

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ИЗДАНИЕ БРАТСТВА СВ. ВЛАДИМИРА ПРИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

11-го Мая № 14 1902 года.

— ⊖ ОТДѢЛЪ НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ. ⊖ —

Религіозно-нравственное воспитаніе, какъ необходимое усло-
віе въ дѣлѣ образованія истинныхъ людей ¹⁾.

Продолженіе *).

Наступило время отрезвленія. Поднять былъ вопросъ о гуманитарной школѣ и началась старая борьба классицизма съ реализмомъ, кончившаяся сдѣлкой, по которой узаконены были и классическія и реальныя школы. Но эта сдѣлка была только перемиріемъ. Въ существѣ же дѣла и тѣ и другія, подъ влияніемъ контовскаго механическаго міровоззрѣнія, позитивизма и новѣйшаго матеріализма, съ настойчивостію проводили взглядъ, что единственно твердымъ, плодотворнымъ и настоящимъ знаніемъ нужно считать только то, что добыто въ наукѣ посредствомъ опытнаго метода, или что основано на точномъ изученіи возможно большаго числа фактовъ, а потому и силы учащихся направлялись главнымъ образомъ на изученіе и объясненіе этихъ фактовъ. То-же; что стоитъ выше дѣйствительности, чего мы не видимъ собственными глазами, но къ чему душа человѣческая инстинктивно тяготѣетъ всѣмъ своимъ существомъ, не находило себѣ не только должнаго разъясненія, но и должнаго мѣста въ школѣ. Правда, уроки Закона Божьяго существовали и въ тѣхъ и другихъ школахъ, на которыхъ законоучитель доказывалъ своимъ

¹⁾ Научно-богословское чтеніе, предложенное 25 Марта въ актовомъ залѣ Екатеринославскаго Мужскаго Духовнаго Училища.

*) См. № 12 и 13.

юнымъ слушателямъ бытіе иного міра, сверхчувственного и духовнаго, раскрывалъ предъ ними цѣлую область моральныхъ запросовъ и требованій челоѳческаго духа, говорилъ имъ братской любви во имя Христа и т. д.; но судите сами: могли ли они возбуждать у питомцевъ серьезное вниманіе и имѣть должное вліяніе на ихъ религіозно-нравственное развитіе, когда самый предметъ по правиламъ 1872 г., въ системѣ классическаго образованія, не былъ даже причисленъ къ главнымъ предметамъ и въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ трактовался, какъ предметъ второстепенный? Скажу даже болѣе этого. Какъ второстепенный предметъ, онъ далеко не вездѣ пользовался и должнымъ уваженіемъ. Покойный преосвященный Никоноръ, арх. Херсонскій, съ горькимъ сокрушеніемъ рассказываетъ о томъ, какъ однажды ему лично на испытаніи по Закону Божію въ двухъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ ясно и четко было заявлено, что этотъ предметъ здѣсь *не уважается* ¹⁾. Само собою разумѣется, что, при такой постановкѣ дѣла, даже самый добросовѣстный законоучитель съ величайшимъ трудомъ могъ добиваться результатовъ на поприщѣ религіозно-нравственнаго развитія учащихся. И это надо сказать тѣмъ болѣе, что въ огромномъ большинствѣ другіе сотрудники его считали себя совершенно свободными отъ нравственно-воспитательныхъ обязанностей. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, сколько каждый изъ нихъ имѣетъ случаевъ и поводовъ для бесѣдъ съ учащимися развивательнаго характера, такъ какъ нѣтъ такого предмета, который не имѣлъ бы хотя косвеннаго отношенія къ челоѳческой жизни, и, слѣдовательно, къ вопросамъ этики. Кажется, что общаго между химіей и этикой? И однакоже покойный профессоръ А. Н. Энгельгардтъ, читая свои лекціи, умѣлъ химическія формулы и реакціи сопоставлять съ жизнію общества и сопровождать свои сопоставленія замѣчаніями чисто нравственнаго характера. Взгляните, далѣе, на учебникъ химіи профессора Менде-

1) Арх. Никоноръ. Собраніе поученій. Т. 1-й стр. 448.

лѣва, и вы найдете въ немъ разсужденіе о безнравственности налога на соль и попутное изложеніе нѣкоторыхъ положеній, касающихся политико-экономической жизни человѣка. А что сказать о другихъ наукахъ? Сколько, напримѣръ, разумное изученіе русской словесности даетъ поводовъ учителю во время преподаванія входить съ учащимися въ объясненіе вопросовъ общественной и личной нравственности? Уже одно изученіе образцовъ русской литературы развѣ не даетъ тысячи поводовъ къ раскрытію учащимся истинно человѣческаго идеала въ жизни, къ разъясненію отношеній человѣка къ человѣку, человѣка къ обществу и государству? Точно также и другіе предметы, какъ исторія, географія, отчизновѣдѣніе, законовѣдѣніе, естествознаніе и т. д., при желаніи и ясномъ пониманіи задачъ истинной педагогii, развѣ не могутъ служить неисчерпаемымъ источникомъ для бесѣдъ съ учащимися нравственно-воспитательнаго характера? Къ сожалѣнію, эта важная сторона школьнаго дѣла и по нынѣ не только остается въ забвеніи, но что досаднѣе всего—обособленное умственное и нравственное образованіе въ русской школѣ находить себѣ даже поощреніе и странное оправданіе. Послушайте, напримѣръ, что пишетъ Л. Н. Толстой о школьномъ воспитаніи. «Школа, пишетъ онъ, должна имѣть одну цѣль—передачу свѣдѣній и знаній, не пытаюсь переходить въ нравственную область убѣжденій, вѣрованій и характера; цѣль ея должна быть одна—наука, а не результаты ея вліянія на человѣческую личность... Всѣ воспитательныя задачи должны быть устранены изъ школы и образованія, потому что воспитаніе, какъ умышенное формированіе людей по извѣстнымъ образцамъ, не плодотворно, не законно и невозможно: правъ на воспитаніе, правъ одного человѣка, или небольшого собранія людей дѣлать изъ другихъ то, что хочется, не существуетъ. Воспитаніе есть насиліе, есть возведенное въ принципъ стремленіе къ нравственному деспотизму; его основаніе есть произволь, образованіе же свободно и разумно»¹⁾).

¹⁾ Сочиненія Л. Толстого; т. IV-й стр. 146—190.

Читаешь и дивишься тому, какимъ образомъ эти неосторожныя, чтобы не сказать болѣе—парадоксальныя мысли могли выйти изъ подъ пера такого великаго писателя—беллетриста, какъ графъ Толстой? То, что съ колыбели своей человѣчество всегда считало предметомъ своихъ первыхъ заботъ по отношенію къ дѣтямъ, на что тратило и тратитъ лучшія свои силы, то клеймится имъ позорными именами *насилія, произвола и деспотизма*. Но въ такомъ случаѣ и умственное развитіе дѣтей, съ точки зрѣнія графа, съ одинаковымъ правомъ можетъ быть названо умышленнымъ формированіемъ людей и, слѣдовательно, произвольнымъ и насильственнымъ, такъ какъ мыслительныя способности учащихся обыкновенно развиваются по извѣстнымъ образцамъ, по опредѣленнымъ учебнымъ рецептурамъ, методамъ и т. д. Нѣтъ истинный идеалъ человѣческаго образованія состоитъ въ развитіи всѣхъ дарованныхъ человѣку способностей, всѣхъ его высокихъ и благородныхъ стремленій, а не въ развитіи только однѣхъ мыслительныхъ способностей человѣка, какъ думаетъ графъ. Каждому, думаемъ, понятно до очевидности, что человѣкъ есть цѣльный организмъ, а если такъ, то и образованіе въ большей или меньшей степени должно дѣйствовать на всего человѣка, на всѣ его душевныя силы и улучшать его въ цѣломъ, а не частью. Поэтому не школьное воспитаніе, а обособленіе воспитанія отъ умственнаго образованія во время прохожденія учащимся школы является дѣломъ насильственнымъ, болѣзненно отражающимся на всемъ какъ душевномъ складѣ, такъ и внѣшнемъ поведеніи его. «Само собою разумѣется, пишетъ въ своихъ педагогическихъ статьяхъ Гольцевъ, что школа не должна брать на себя непосильной задачи дать своимъ воспитанникамъ стройное и законченное міровоззрѣніе. Такое воззрѣніе складывается не въ среднемъ учебномъ заведеніи, и не одна школа принимаетъ участіе въ его образованіи. Но общія гуманитарныя воззрѣнія, должны быть заложены въ душу ученика еще въ тотъ періодъ его

жизни, когда онъ проходитъ общеобразовательный курсъ. Безъ этого условія обученіе не доставитъ большой пользы. Одно пріобрѣтеніе свѣдѣній не отразится благотворнымъ образомъ на всемъ складѣ ума и привычекъ человѣка: каждый изъ насъ знаетъ много примѣровъ, какъ люди обладающіе громадными, но узко-спеціальными знаніями, остаются людьми необразованными, тупыми, лишенными жизненнаго такта и нравственной устойчивости» ¹⁾. Въ послѣднее время, впрочемъ, все сильнѣе и живѣе стала сознаваться вся неестественность и вредъ обособленнаго положенія въ школѣ умственного и нравственнаго образованія; при чемъ время отъ времени появляются проэктъы, въ которыхъ умственное и нравственное образованіе поставляются въ тѣсную органическую связь. «Въ послѣднее время, пишетъ современный нашъ педагогъ Каптеревъ: обособленное положеніе умственного и нравственнаго образованія привлекаетъ къ себѣ вниманіе; *недостатки такою положенія строя школъ начинаютъ сознаваться съ достаточною живостью. Появляются проэктъы, какъ помочь юрѹ, въ которыхъ отчетливо выражается сознаніе укоренившаго зла*» ²⁾. Такъ, тѣсная связь между знаніемъ человѣческимъ и моралью, съ такою ясностію еще 19 вѣковъ тому назадъ провозглашенная со креста на Голгоѣѣ словами: «не вѣдять бо, что творять» (Лук. 23, 14), и выраженная устами Гуса съ плававшего костра восклицаніемъ — «o sancta simplicitas», насильственно разрывалась, разрывается, къ сожалѣнію, и доселѣ.

Не удивительно послѣ этого, если современная молодежь, выступая въ жизнь уже въ зрѣломъ возрастѣ, чувствуетъ себя, такъ сказать, на легкѣ, почти безъ всякаго нравственнаго багажа и легко поддается всякаго рода «вѣтру ученій», беспочвеннымъ доктринамъ, каковое обстоятельство въ общественномъ смыслѣ является дѣломъ уже крайне опас-

¹⁾ В. Гольцевъ. Воспитаніе, нравственность и право. М. 1897 г. стран 73 и 74.

²⁾ П. Каптеревъ. Новая русская педагогія. Сп. 1898 г. стр. 105.

нымъ. Вотъ почему въ переживаемую нами эпоху безконечныхъ толковъ о школьной реформѣ настойтъ время серьезно подумать о коренной реформѣ и школьнаго воспитанія, давшимъ давно нуждающееся въ лучшей и болѣе правильной постановкѣ, при которой бы школа выпускала въ жизнь не *умныхъ* только, но и людей *съ достаточной нравственной подготовкой*; ибо только при этомъ единственномъ условіи общество и можетъ разсчитывать на умноженіе въ средѣ своей истинныхъ людей.

Но болѣзную о многихъ нравственныхъ явленіяхъ современной общественной жизни, правы ли мы будемъ, если всю отвѣтственность за нихъ станемъ возлагать на школу? Конечно нѣтъ.

Дѣло въ томъ, что школа принимаетъ человѣка на свое попеченіе далеко не съ самыхъ первыхъ лѣтъ его младенческаго возраста; да къ тому же, онъ вступаетъ въ нее совсѣмъ не какъ *tabula rasa*, но съ развившимися уже въ значительной степени нравственными качествами въ томъ или другомъ направленіи. Семь, восемь, а иногда и болѣе, первыхъ лѣтъ жизни человѣка стоятъ, такимъ образомъ, внѣ всякаго вліянія школы. Этого мало: даже и тогда, когда дитя становится ея питомцемъ, школа не овладѣваетъ имъ всецѣло: она беретъ его подъ свой надзоръ и попеченіе лишь на извѣстное количество учебныхъ часовъ, а во все остальное время не имѣетъ ни обязанности, ни возможности наблюдать за нимъ и подчинять его своему непрерывному руководству. Во все означенное время, будущій человѣкъ и гражданинъ, такимъ образомъ, растетъ на попеченіи своей родной семьи. На ней то вотъ, т. е. на этой семьѣ и лежитъ прежде всего святое призваніе сдѣлать своего ребенка *человѣкомъ*; она первая полагаетъ начало его воспитанію и въ ея власти, слѣдовательно, дать ему то или другое направленіе. Какъ во всякомъ другомъ дѣлѣ, такъ не менѣе того и въ дѣлѣ воспитанія, вполне приложимо мудрое изреченіе древняго поэта: *dimidium*

facti habet, qui bene coeripit, т. е. доброе начало—половина дѣла. Это то доброе начало всецѣло и зависитъ отъ семьи.

Долгимъ педагогическимъ опытомъ дознано, что раннія впечатлѣнія семьи такъ крѣпко и глубоко залегаютъ въ дѣтскую душу, что остаются въ человѣкѣ на всю его послѣдующую жизнь и отражаются во всей его дальнѣйшей дѣятельности. Еще Амосъ Коменскій говорилъ, «что въ первые шесть лѣтъ полагается основаніе всему тому, чему учатся дѣти въ жизни». Главная причина этого заключается въ томъ, что эти впечатлѣнія являются первыми въ жизни и падаютъ на дѣвственную, въ высшей степени воспримчивую почву, когда умъ и сердце дитяти только что пробуждаются къ дѣятельности и, такъ сказать, съ жадностію ловятъ себѣ пищу. Къ тому же, тотъ же опытъ подтверждаетъ, что дѣти въ высшей степени склонны къ подражанію. Уже упомянутый нами творецъ европейской педагогики въ своей *Великой Дидактикѣ*, между прочимъ, пишетъ: «дѣти, какъ обезьянки: они даже безъ всякаго побужденія любятъ подражать всему, что видятъ—и хорошему и худому. Они даже учатся подражать ранѣе, чѣмъ познавать. Я разумѣю при этомъ какъ живые примѣры, такъ и заимствованные изъ исторіи. Преимущественно, впрочемъ, живые, такъ какъ послѣдніе дѣйствуютъ непосредственнѣе и сильнѣе» ¹⁾. Понятно послѣ этого, съ какою осторожностію и съ какимъ глубокимъ вниманіемъ должны родители относиться ко всѣмъ своимъ словамъ и поступкамъ. Эту то осторожность и осмотрительность въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей всегда и обнаруживала древне-христіанская семья. Вотъ какъ, напр., устами поэта древняя христіанка говоритъ намъ о семьѣ своей:

«Мужъ мнѣ говариваль не разъ:

Не мы дѣти, насъ дѣти учать

И довоспитываютъ насъ!

¹⁾ См. у В. Вахтерова «Нравственное воспитаніе и начальная школа» стр. 54. М. 1901 г.

При нихъ не сдѣлаешь, не скажешь
 Отецъ, не поглядѣвъ впередъ,
 Вѣдь съешь семья! то взойдетъ,
 Что въ сердцѣ съ дѣтскихъ лѣтъ заляжетъ»... ¹⁾

Но этой то осторожности очень часто недостаетъ намъ. Въ жизни общественной, въ мѣстахъ своего служенія, мы обыкновенно строго слѣдимъ за собою, чтобы не сдѣлать и не сказать чего либо лишняго; но, возвратившись домой, въ семью свою, мы, прежде всего, спѣшимъ сбросить съ себя утомительную личину всякихъ стѣсненій и, увы, очень часто являемся въ этомъ нравственно-обнаженномъ видѣ далеко неприглядными. Нерѣдко позволяя себѣ не совсѣмъ скромное празднословіе, а иногда осужденіе и злословіе ближнихъ, мы забываемъ, что въ домѣ находимся не одни, что на насъ пристально смотрятъ дѣти и съ жадностію ловятъ каждое наше слово. Не выходитъ ли потому часто, что мы даемъ имъ камень въ то время, когда они ждуть отъ насъ хлѣба?... Отчего, скажите вы, въ настоящее время все чаще и чаще слышатся жалобы на то, что съ современными дѣтьми ладить чрезвычайно трудно даже самому идеальному воспитателю? Не отъ того ли, что дѣти наши очень часто выходятъ изъ семьи съ плохою нравственною подготовкою и бываютъ крайне не дисциплинированными въ нравственномъ отношеніи, а потому требуютъ массы терпѣнія, много такта, наконецъ, желѣзныхъ нервъ, для того чтобы упорядочить ихъ волю, отучить ихъ отъ капризовъ и прихотливаго своеволія? А между тѣмъ эта же самая семья иногда предъявляетъ къ школѣ свои слишкомъ строгія требованія; всѣ недостатки воспитанія она, обыкновенно, сваливаетъ на школу, тогда какъ и сама бываетъ повинна въ этихъ недостаткахъ. Какъ, напр., можно оправдать хотя бы ту безпечность родителей, которую они часто обнаруживаютъ въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ въ дѣлѣ религіознаго и нравственнаго ихъ воспитанія, и которая

¹⁾ А. Майковъ. «Два міра».

сопровождается столь горькими для нихъ послѣдствіями въ жизни? Быть можетъ кому либо изъ васъ приходилось читать, или же видѣть на сценѣ пользующуюся въ наше время столь огромнымъ успѣхомъ драму подъ скромнымъ заглавіемъ «Дѣти Ванюшина» ¹⁾. Какая истинная правда изображается въ ней! Присмотритесь къ ней поближе.

Ванюшины—это типичнѣйшая современная семья, въ которой подъ маскою наружной благопристойности и даже патріархальности скрывается глубокая нравственная разнужданность. И ужъ, конечно, не школа виновата въ томъ, что изъ дѣтей Ванюшина вышли или жесткіе и сухіе эгоисты, или просто безнравственные люди. Напротивъ: въ семьѣ Ванюшина дѣти школьнаго возраста—гимназистъ Алексѣй, и гимназистки Аня и Катя оказываются гораздо лучше и чище другихъ старшихъ дѣтей, уже покончившихъ со школою, хотя и у этихъ подростковъ, подъ вліяніемъ нелѣпаго семейнаго режима, подъ вліяніемъ лжи и притворства, которыя свили себѣ прочное гнѣздо въ ихъ семьѣ, начинаютъ постепенно развиваться дурныя наклонности. А вотъ и развязка этой драмы. Пораженный крайнею распущенностію своихъ дѣтей, отецъ—старикъ въ отчаяніи спрашиваетъ ихъ: 30 лѣтъ я дождалъ васъ, дѣти, откуда вы такія? Сверху, папенька, сверху, съ злою ироніей отвѣчаютъ ему дѣти, подразумевая подъ этимъ верхомъ второй этажъ дома, въ которомъ жили они на попеченіи нянекъ и приставницъ, безъ всякаго родительскаго призора. Халатность и безпечность въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, однако, жестоко отместили за себя. Разочарованный своими дѣтьми, отецъ въ отчаяніи трагически кончаетъ свою жизнь: онъ рѣшается наложить на себя руки.

Тяжелая картина, но какъ подчасъ вѣрно изображаетъ она дѣйствительность! Нѣтъ, чтобы ни говорили, а въ дѣлѣ воспитанія семья всегда имѣла и имѣетъ важное доминирую-

¹⁾ Драма эта написана артистомъ Найденовымъ и появилась на сценѣ въ очень недавнее время.

щее значеніе, и, стало быть, нѣтъ никакого основанія сваливать свою вину на школу, когда рѣчь заходитъ о недостаткахъ этого воспитанія.

В. Грековъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ чемъ сущность и смыслъ жизни ¹⁾.

(Продолженіе *).

Улитка побольше сказала: «Жизнь—это вѣчное стремленіе отъ земли къ небу и вѣчное паденіе съ неба на землю». По этому взгляду, наша жизнь—это работа Сизифа, который по волѣ боговъ, въ наказаніе долженъ былъ вкатывать огромный камень на гору, но едва достигалъ вершины, какъ камень скатывался внизъ, и Сизифъ снова начиналъ вкатывать, камень у вершины снова скатывался, и такъ безъ конца. Но вѣдь это безсмыслица, а не смыслъ жизни?! Стремиться къ небу и снова падать съ неумолимою необходимостью! Напрасно насъ утѣшаютъ тѣмъ, что, хотя наряду съ стремленіемъ къ небу существуетъ вѣчное паденіе съ неба на землю, но первое больше второго; что, хотя много въ чело-вѣческой жизни лжи, безнравственности, безобразія, несправедливости, но все таки истина въ ней всегда беретъ верхъ надъ невѣжествомъ и зломъ, добродѣтель торжествуетъ, а безнравственность наказывается. Напрасное утѣшеніе! Развѣ мы не видимъ въ жизни чуть не на каждомъ шагу, какъ грубая физическая сила повелѣваетъ и ругается надъ силой нравственной, умъ преклоняется предъ невѣжествомъ, тьма заблужденій гонитъ истину?! «Добродѣтель торжествуетъ, а пороки наказываются»—въ примѣненіи къ настоящей жизни фраза эта имѣетъ такой неопредѣленный смыслъ, что не безъ основанія сдѣлалась предметомъ ироніи между людьми. Напрасно утѣшаютъ, что чело-вѣчество въ цѣломъ несмотря на частыя

¹⁾ Рѣчь, произнесенная на послѣднемъ урокѣ въ женскихъ гимназіяхъ.

*) См. №№ 12 и 13 1902 г.

ненормальныя явленія и перевороты, всетаки непрестанно идетъ впередъ волнообразной линіей. Но не представляетъ ли исторія человѣчества основанія и для той мысли, что новое есть только повтореніе давнымъ давно бывшаго, что жизнь человѣчества вращается въ какомъ-то очарованномъ кругу, періодически повторяя «одни и тѣ-же фазы надежды, упадка, новыхъ иллюзій и новыхъ разочарованій» (Шатобріанъ).— Измѣняются условія жизни, измѣняется міръ, моря дѣлаются степями (южно-русская степь—бывшее море), царства смѣняются одно другимъ, а человѣческая жизнь въ ея внутренней основѣ не представляетъ прогресса. Коренныя страсти человѣческія—гордость, зависть, ненависть, лѣнь, — мать всѣхъ пороковъ,—остаются въ сущности однѣ и тѣ-же во всѣ вѣка, во всѣхъ племенахъ, на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи. Цивилизація даетъ имъ только болѣе утонченную форму выраженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый ядъ страстей дѣлается болѣе тонокъ и болѣе ядовитъ. Злоба человѣка развитаго опаснѣе злобы дикаря: злодѣй, дѣйствующій утонченными орудіями слова и интриги, наноситъ иногда человѣчеству зла болѣе отъявленнаго вора и убійцы, который идетъ на благосостояніе ближняго прямо съ дубиной и топоромъ. Да, жизнь человѣческая развивается какъ въ добромъ, такъ и въ зломъ. Но тогда въ чемъ-же собственно прогрессъ? Причемъ утѣшеніе, что стремленіе къ небу сильнѣе ниспаденія? Жизнь опять кажется бессмыслицей.

Симпатиченъ взглядъ муравья, что жизнь—это выполненіе своего долга, а ея смыслъ—въ непрестанномъ трудѣ. Но муравей не поясняетъ, какой смыслъ лежитъ въ этомъ самомъ трудѣ? Ради чего я долженъ трудиться? Муравей трудится, и трудъ доставляетъ ему одно удовольствіе, потому что онъ живетъ только инстинктами, и между прочимъ инстинктами работы: таскать, строить, громоздить. Но человѣкъ—сознательное, разумное существо. Всѣ инстинкты, удовлетвореніе которыхъ, правда, доставляетъ и ему радость, онъ хочетъ

освѣтить мыслью: почему я долженъ, для чего долженъ? Человѣку свойственно трудиться. Еслибы нужно было выдумать какое-нибудь нестерпимое наказаніе, то это было-бы—лишить человѣка всякой возможности что-нибудь дѣлать. Но при всему этомъ онъ не можетъ не задавать вопросовъ: для чего онъ долженъ трудиться ¹⁾? Какой смыслъ его трудовъ, его исполненій истинно человѣческаго долга?! Человѣкъ работаетъ ради истины, добра, любви, но кому въ продолженіе кратковременной жизни удастся видѣть торжество истины надъ заблужденіемъ, добра надъ зломъ?! Утѣшаютъ, что онъ получитъ благодарность, славу, безсмертіе въ потомствѣ. Но это жалкое, нестойщее утѣшеніе! Неблагодарность и безславіе при жизни, благодарность и слава по смерти! Безсмертіе тогда, когда жизни уже не будетъ!

Вѣдь «для того, кто въ гробѣ спитъ на вѣки,
 Безчувственный для здѣшнихъ благъ и бѣдъ,
 Не все-ль равно—попынь-ли надъ костями
 Его растеть, иль лавръ... Не вся-ль тутъ слава?»
 («Камоэнсъ» Жуковского).

Да и правда-ли то, что нашъ жизненный трудъ принесетъ свою пользу человѣчеству, что въ человѣческомъ прогрессѣ ни одна крупица истины, ни одно сѣмя добра, ни одна капля хорошаго пота не пропадаютъ? Сама исторія человѣчества не представляетъ-ли противныхъ примѣровъ? Мы горды въ настоящее время своими знаніями, своими успѣхами, нашей цивилизаціей. Мы думаемъ, что знаніе и труды нашего вѣка принесутъ громадную пользу прогрессу человѣчества. А жили и до насъ люди, народы, которые также искали истины, добра и счастья, трудились, имѣли значительные успѣхи въ знаніи: разрозненные и полустертые обломки жизни свидѣтельствуютъ о блестящей цивилизаціи, процвѣтавшей нѣкогда

¹⁾ Достоевскій въ «Запискахъ изъ мертваго дома» говоритъ, что самая значительная работа для арестантовъ—та, смысла которой они не понимаютъ, которая не отвѣчаетъ на запросъ человѣка въ нихъ: для чего?

на берегахъ благословеннаго Нила, въ долинахъ Ганга и Евфрата. А теперь памятниками этой цивилизаціи остается лишь нѣсколько жалкихъ, разрозненныхъ, полуразрушенныхъ обломковъ, нѣсколько словъ и намековъ въ полуистлѣвшей древней рукописи... Кто знаетъ, можетъ быть и съ нашей цивилизаціей, которой мы столько гордимся, когда-нибудь тоже будетъ? Можетъ быть, и наша блестящая, богатая, цивилизованная, сильная, самоувѣренная Европа когда-нибудь будетъ представлять унылую, безжизненную степь, подобную тѣмъ, какія представляетъ нынѣ средняя Азія и внутренняя Африка?!

Нѣтъ-ли основаній предполагать, что народамъ древнимъ извѣстны были и нѣкоторыя такія знанія, которыя доселѣ остаются неизвѣстными нынѣшнему цивилизованному міру? Не то-же ли будетъ и съ нашими знаніями, и трудами, не пропадетъ ли большая часть и ихъ даромъ для вѣковъ и народовъ послѣдующихъ?! Какое-же значеніе въ такомъ случаѣ будутъ имѣть наши труды, наша жизнь и цѣлая исторія?

Такимъ образомъ, предъ нашимъ умственнымъ взоромъ прошли четыре символа жизни, четыре символа, которые хотѣли-бы, но тщетно, выразить сущность, угадать смыслъ жизни. Первый символъ жизни—мечъ и борьба, второй—чаша удовольствій, третій—восхождение и ниспаденіе, или работа Сизифа, четвертый—работа муравья. Но всѣ эти символы недостаточны, чтобы вполне выразить въ себѣ смыслъ жизни.

Улитка поменьше сказала справедливѣе всѣхъ, что «жизнь—это загадка». Но это значитъ—отказаться отъ исканія ея смысла. Неужели-же

«Нѣтъ среди людей такого мудреца,

Кто могъ-бы намъ сказать, куда движенье жизни,

Кто могъ бы уловить черты ея лица»?

Неужели совсѣмъ нѣтъ отвѣта для насъ на эти важные, вѣчные вопросы:

«Къ чему, зачѣмъ мы созданы? Откуда жизни ключъ

Взялся? Куда стремится онъ, мятеженъ и кипучъ?»

(Арнольдъ «Свѣтъ Азіи» стр. 42).

За мнѣніями насѣкомыхъ муха передаетъ мнѣнія людей—двухъ охотниковъ. Молодой и красивый сказалъ: «жить—значитъ любить и страдать». Любить людей и страдать—т. е. страдать вдвойнѣ, страдать отъ того, что считается украшеніемъ жизни. Значитъ, суть жизни въ страданіи, въ страданіи даже тамъ, гдѣ грезилась радость. Этотъ взглядъ на страданіе, какъ насущность жизни, чрезвычайно старъ, такъ-же старъ, какъ страданія человѣка. Въ одной изъ буддійскихъ религиозныхъ книгъ (Сутты—за 1000 л. до Р. Х.) читаемъ такое поученіе Будды о страданіи: «въ мукахъ рождается человѣкъ, онъ страдаетъ увядая, страдаетъ въ болѣзняхъ, умираетъ въ страданіи. Союзъ съ немилымъ—страданіе; страданіе—разлука съ милымъ. Приходитъ старость, близка и смерть: такова участь всего живущаго. Увы! Со смертию и разрушеніемъ связанъ этотъ міръ». «Я слышу», говоритъ принцъ Сидарта,—онъ-же Будда (по поэмѣ Арнольда: «Свѣтъ Азіи»):

«Я вижу громадность страданій,
Житейскихъ суетъ пустоту,
Отраву любви и тоску ожиданій,
И радостей мелкихъ тщету.
Къ жизни прикованъ бездушно,
Точно безмысленный воль,
Вертитъ колесо жизни въ страхѣ, послушно
Смертный средь вѣчныхъ печалей и золь».

Но удивительно, что, не смотря на страданія жизни, на сплошныя печали, люди живутъ. Какой смыслъ жить, если сущность жизни въ страданіи?! Жить, чтобы страдать?! Но откуда и зачѣмъ самое это страданіе и зло, гдѣ причина того, что мы, страдая, живемъ, что придаетъ смыслъ нашимъ страданіямъ?!

Нѣтъ, несправедливъ и одностороненъ взглядъ на жизнь, что она есть страданіе и несчастіе. За страданіемъ есть что-то, придающее ему особое значеніе, значеніе нѣкотораго наслажденія, есть какая-то свѣтлая полоса, которая примиряетъ

человѣка съ его страданіями и дѣлаеть радостнымъ и среди золь жизни. Нѣтъ, если люди живутъ, если живутъ даже тѣ, кто видитъ въ жизни одно страданіе, то очевидно, въ дѣйствительности суть жизни не въ страданіи: потому что бессмысленно жить только страдая, безъ всякой надежды на радость, хотя бы въ будущемъ.

Еще менѣе состоятельно мнѣніе пожилого охотника, что жизнь—это пустая и глупая шутка. Скорѣе, это мнѣніе, дѣйствительно, пустая и глупая шутка, а не жизнь. Кто это такъ жестоко шутить, что отъ его шутки страдаютъ вѣка и тысячелѣтія цѣлыя поколѣнія?! Шутить глупо, безъ всякаго смысла, пусто?—Нѣтъ, это мнѣніе—дерзкая и страшная хула не только на все, что есть лучшаго въ жизни, но и на все, что есть Высшаго и Святого надъ жизнью.

Мы имѣемъ семь различныхъ взглядовъ на жизнь. Змѣя показала, что все различіе мнѣній можно выразить въ одной формулѣ. Она сверкнула на солнцѣ своей чешуей и сказала: жизнь—это я. Да, жизнь—это змѣя, измѣнчивая, блестящая всѣми красками, своеобразная, быстрая змѣя. Это-то самое, что высказалъ Надсонъ въ стихотвореніи «Жизнь»:

«Мѣняя каждый мигъ свой образъ прихотливый,
Капризна, какъ дитя, и призрачна, какъ дымъ,
Кипитъ повсюду жизнь въ тревогѣ суетливой,
Великое смѣшавъ съ ничтожнымъ и смѣшнымъ и т. д.

Всѣ раннѣйшіе взгляды основываются на дѣйствительныхъ фактахъ, въ которыхъ проявляется жизнь. Только эти факты взяты въ безусловномъ значеніи, какъ выражающіе вполне сущность жизни, исчерпывающіе вполне ея содержаніе. На самомъ дѣлѣ, въ жизни нѣтъ ни сплошнаго страданія, ни сплошной борьбы... Въ жизни всѣ они существуютъ рядомъ, вмѣстѣ. И жить не значитъ—только пить чашу наслажденій, но и страдать, и бороться, и падать, и стремиться вверхъ... Все это содержаніе полной жизни.

Въ чемъ общая ошибка всѣхъ указанныхъ мнѣній? Почему многія изъ нихъ доказываютъ и показываютъ больше безмыслицу жизни, чѣмъ ея смыслъ?! Ошибка—въ томъ, что всѣ они ищутъ смысла жизни только въ ней самой. Но смыслъ жизни не можетъ лежать въ ней самой по себѣ, потому что жизнь сама по себѣ—пестрое, разнообразное содержаніе. А смыслъ чего—угодно составляетъ нѣчто единое, что управляетъ всѣми частями цѣлаго, что лежитъ выше этихъ самыхъ частей. Смыслъ человѣческаго организма составляетъ объединеніе всѣхъ частей его въ общей работѣ, для какой либо цѣли. Отрѣзанная рука уже теряетъ смыслъ своего существованія. Ваше чтеніе книги будетъ тогда только имѣть смыслъ, когда вы сумѣете найти единую, управляющую всѣми разнообразными главами мысль автора. Отсюда ясно, что искать смысла жизни въ ея частныхъ сторонахъ, въ ея частныхъ фактахъ—нельзя.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. А. Соколовъ.

СЕКТАНТСТВО и РАСКОЛЪ.

Бесѣда съ пріемлющими Австрійское священство старообрядцами въ залѣ Екатеринославской духовной семинаріи.

Въ воскресенье пятой недѣли великаго поста, 31 марта сего года, въ залѣ Екатеринославской духовной семинаріи происходила бесѣда съ мѣстными старообрядцами австрійскаго толка. Со стороны старообрядцевъ главнымъ возражателемъ выступилъ извѣстный уже нашимъ читателямъ Исидоръ Тимоѣевичъ П—въ¹⁾, его поддерживалъ уставщикъ мѣстнаго старообрядческаго молитвеннаго дома и нѣкоторые другіе старообрядцы. Велъ бесѣду преподаватель семинаріи по исторіи и обличенію раскола М. Брунбендеръ при участіи противо-

¹⁾ См. Екат. Еп. Вѣд. за 1901 г. № 8, 9 и сл. статью: «Публичное собраніе съ старообрядцами».

раскольническаго миссіонера свящ. С. Шалкинскаго и воспитанника VI класса семинаріи И. Татарінова. Къ 3¹/₂ часамъ дня (времени, назначенному для бесѣды въ объявленіяхъ) актовый залъ семинаріи былъ переполненъ публикой, среди которой можно было видѣть и представителей интеллигентнаго класса.

Послѣ молитвы «Царю Небесный», пропѣтой воспитанниками семинаріи, на кафедрѣ взошелъ преподаватель М. Брунбандеръ и обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой указавъ на то, что вести публичную бесѣду весьма трудно, въ виду того, что при такой бесѣдѣ допускается живой обмѣнъ мыслей, перекрестный огонь вопросовъ и возраженій, просилъ присутствующихъ снисходительно отнестись къ тѣмъ обмолвкамъ и ошибкамъ, которыя весьма возможны при собесѣдованіи. Обратившись затѣмъ къ старообрядцамъ, собесѣдникъ просилъ ихъ не стѣсняясь высказывать свои возраженія, ставить вопросы и давать отвѣты отъ слова Божія, изъ опредѣленій св. соборовъ и святоотеческихъ писаній и вообще заботиться не о побѣжденіи или препрѣнніи противника, а о выясненіи истины. Миссіонеръ и старообрядецъ—возражатель, замѣтилъ собесѣдникъ, выступаютъ на бесѣду не съ цѣлью поразить противника и побѣдить его своею находчивостью и остроуміемъ, а съ цѣлью выясненія истины на основаніи тѣхъ источниковъ, которые обѣими сторонами признаются авторитетными. Личность миссіонера и его оппонента должны быть въ сторонѣ, главное же вниманіе должно быть обращено на тотъ вопросъ, который разсматривается на бесѣдѣ, и на тѣ основанія, на которыхъ опираются оба собесѣдника въ своихъ словопреніяхъ. При такой постановкѣ дѣла не будетъ ни побѣдителя, ни побѣжденнаго, а будетъ только выясненіе основательности или неосновательности религіозныхъ убѣжденій. Въ заключеніе собесѣдникъ прочиталъ слѣдующія слова св. Никона игумена Черной горы: «се же внимай зѣло, яко да никакоже предпочитаеши свою волю въ малѣ или въ

велицѣ преобидѣти божественная писанія; азъ бо недостойный боюся изначала вольныя бѣды и отъ коегождо писанія собравъ потребная, въ та дыханіе мое и душа моя счетася, или слово, или писанія, кромѣ сихъ отъ своея воли сотворити что не смѣяхъ; но божественная точию писанія явѣ творя, сказуя якоже Богъ дарова. Сего ради и тебѣ повелѣваю и завѣщаваю, не преобидѣти яже отъ насъ писанная или глаголемая; зане аще азъ окаянный и всѣхъ послѣдній есмь, но пишемая или глаголемая не моя, но Божія отъ божественныхъ писаний; сего ради не на пишущаго подобаеть смотряти кому, но на пишемая или глаголемая» (Тактик. л. 114 об.).

Затѣмъ на кафедрѣ взошелъ воспитанникъ И. Татаринъ и предложилъ довольно пространную и обстоятельную рѣчь о незаконности отдѣленія раскольниковъ отъ православной церкви. Мы приведемъ эту рѣчь въ сокращеніи. Около 250 лѣтъ тому назадъ, такъ началъ свою рѣчь воспитанникъ, въ жизни русской церкви произошло печальное событіе: нѣкоторые изъ ея членовъ, доселѣ бывшіе вѣрными и покорными чадами своей святой матери, выдѣлились и составили особое общество, которое извѣстно подъ именемъ старообрядчества. Причина выдѣленія—реформа внѣшняго церковнаго благоустройства, съ вѣдома и разрѣшенія соборной власти (соборы 1654, 55, 56 гг.), а также съ согласія греческой церкви (грамота патр. Паисія 1655 г.) произведенная патріархомъ Московскимъ и всея Россіи—Никономъ. Ко времени вступленія этого знаменитаго святителя на патріаршій престолъ великороссійская церковь по своей внѣшней сторонѣ во многомъ уже отличалась отъ единовѣрной греческой. Далѣе лекторъ, перечисливъ главнѣйшія отличія русской церкви отъ греческой въ обрядахъ (хожденіе посолонь, перстосложеніе для крестнаго знаменія и др.) и указавъ на неисправность богослужебныхъ книгъ, засвидѣтельствованную Стоглавымъ соборомъ (гл. 28) и патр. Іосифомъ (предисл. къ Кормч. 1650 г. л. 3), дѣлаетъ выводъ, что патр. Никонъ долженъ былъ приступити

къ исправленію церковнаго обряда и богослужебныхъ книгъ тѣмъ болѣе, что опыты такого исправленія были на Руси и раньше (препод. Максимъ Грекъ, архим. Діонисій). Приступить къ исправленію обряда и богослужебныхъ книгъ побуждали Никона еще и тѣ зазіранія по поводу новшествъ въ русской церкви, какія онъ слышалъ отъ посѣщавшихъ въ то время Москву восточныхъ святителей (Іерусалимскаго патр. Паисія, Константинопольскаго—Аѳанасія и другихъ). Но едва только Никонъ сдѣлалъ первый шагъ въ дѣлѣ исправленія обряда, а именно разослалъ въ 1652 г. «память» о томъ, чтобы во время молитвы «Господи, Владыко живота моего» полагались не всѣ земные поклоны, а только 4 земныхъ, а 12 поясныхъ, и чтобы крестились не двумя, а тремя перстами, какъ ревнители древляго благочестія во главѣ съ Аввакумомъ, Іоанномъ Нероновымъ, Логиномъ, Даниломъ и другими, по замѣчанію раскольническаго писателя Денисова, начали ужасаться вельми и всеплачевно рыдать о новой непоклоннической ереси. Подобнымъ же образомъ были встрѣчены и послѣдующія исправительныя попытки Никона. Когда же онъ удалился съ патріаршей кафедрой, мысли о ересяхъ, внесенныхъ въ церковь, распространялись повсюду въ народѣ. Ослѣпленные фанатизмомъ расколоучители не задумывались открыто заявлять, что церкви, чины и таинства заражены многими ересями; и даже болѣе того, составивъ нѣчто въ родѣ собора, они постановили—«ніконіанское крещеніе не вмѣнять за истинное, такъ какъ церкви осквернены мерзостью антихристовою». Такимъ образомъ, православная русская церковь за исправленіе обрядовой стороны получила названіе не только еретической, но и антихристовой.

Но не заслужила великороссійская церковь такихъ упрековъ. «Еретицы, читаемъ въ Кормчей (л. 79), глаголются, иже о вѣрѣ блазнятся»; «еретикъ, пишетъ св. Василій Великій, тотъ, кто вѣрою чуждъ» (1-прав. Вас. Вел.), а уклоненій отъ вѣры или догматическихъ погрѣшностей никогда не

принимала православная грекороссійская церковь. Она, говорится въ книгѣ о Вѣрѣ, «правымъ царскимъ путемъ еще и вельми тѣснымъ, но обаче отъ Иисуса Христа Бога и Спаснашего и истинныхъ Его наслѣдниковъ утлаченнымъ, ни на право, ни на лѣво съ пути не совращаяся, къ горнему Иерусалиму сыны своя препровождаетъ въ поданномъ отъ Господа Бога крестномъ терпѣніи и ни въ чемъ установленія Спасителя Своего и блаженныхъ Его учениковъ и святыхъ отеческихъ преданій и седми вселенскихъ соборовъ, Духомъ Святымъ собранныхъ, уставъ не нарушаетъ, ни отмѣняетъ, и въ малѣйшей части не отступаетъ, ни прибавляя, ни отимая что, но яко солнце одинакою лучею правды всегда свѣтитъ правую вѣрою» (л. 27 об. 28).

Что же касается измѣненія обрядовъ и обычаевъ, то церковь, «на спасеніе и на лучшее поспѣшеніе людемъ промышляющи», дѣлаетъ это на основаніи прежней церковной практики. Для доказательства права церкви измѣнять обряды и обычаи были указаны нѣкоторыя правила изъ Кормчей (были сопоставлены: 5 Апостольское правило съ 12 пр. VI всел. собора, 15 пр. Неокесар. соб. съ 16 пр. VI всел. соб. и др.). Ясное указаніе на измѣненіе церковныхъ обычаевъ было приведено изъ толков. 11 пр. Лаодикійскаго собора: «въ древнихъ нѣщяхъ обычаи въ церквахъ бываеміи отъ нихъ же убо временемъ ови забвени быша, инии же отнюдь престаша, другіе правила отсѣкоша» (Кормч. л. 74 об.). Следовательно, великороссійская церковь не впала въ ересь, когда при патр. Никонѣ постановила исправить нѣкоторые обряды не касающіеся существа вѣры.

Такъ какъ соборы 1666 и 67 гг. рѣшительно высказались въ пользу исправленія книгъ и обрядовъ, произведеннаго патр. Никономъ, то приверженцы стараго обряда, рѣшивъ что «зима еретическая продолжается» и что въ церкви грекороссійской истины нѣтъ, поспѣшили выдѣлиться изъ среды православныхъ и образовать новое самочинное общество, въ

главѣ котораго стали нѣкоторые попы и протопопы, такъ какъ ни одинъ епископъ не сталъ на сторону раскола. Но вскорѣ эти священники, окормлявшіе раскольниковъ, отошли въ вѣчность. Съ ихъ смертью предъ старообрядцами всталъ во всей силѣ грозный вопросъ о священствѣ, рѣшить который удовлетворительно они оказались не въ силахъ, и расколъ раздѣлился на двѣ, враждебныя другъ другу, партіи: безпоповщинскую и поповщинскую, или приѣмлющую священство.

Въ виду того, что мѣстные старообрядцы принадлежать къ толку поповцевъ австрійскаго согласія, лекторъ болѣе подробно остановился на разсмотрѣніи ученія раскольниковъ, приѣмлющихъ священство. Опредѣливъ на основаніи свящ. писанія и старопечатныхъ книгъ понятіе о церкви, указавъ существенные признаки ея, а именно—содержаніе правой вѣры, трехчинность іерархіи и седмеричное число таинствъ, лекторъ остановился подробнѣе на выясненіи значенія и необходимости епископскаго сана въ церкви. Епископы поставлены для того, чтобы «пасти церковь Господа и Спаса нашего І. Христа, юже стяжа кровію Своею» (Дѣян. 20, 29). Насколько важенъ епископскій санъ въ церкви, видно изъ словъ св. Симеона Солунскаго, который говоритъ, что безъ архіерея «ниже жертвенникъ будетъ, ниже хиротонія, ниже миро, ниже убо христіане» (гл. 77 о св. мирѣ); безъ него церковь «вдовствуетъ» (25 пр. IV всел. соб.), «безглава» (55 Апост. пр.) и «слѣпотствуетъ» (книга о Вѣрѣ л. 213.) Безъ воли епископа пресвитеры не могутъ священнодѣйствовать (39 пр. Апост.), и пресвитеру безъ повелѣнія епископскаго «не лѣтъ есть ни крестити ни жертвы просформисати» (Игн. Богоп. посл. къ Смирн.). Если же кто изъ священниковъ будетъ священнодѣйствовать безъ заповѣди святительской, тотъ совершаетъ такой же грѣхъ, какъ если бы онъ приступилъ къ священнодѣйствію, будучи простепомъ, онъ творить «дѣло горшее и самыхъ нечестивыхъ бѣсовъ» (Номок. л. 57). Около

180 лѣтъ старообрядцы поповщинскаго толка не имѣли епископовъ, а потому ихъ общество было безглавымъ, слѣпотствующимъ; ихъ священники, бѣжавшіе отъ православно церкви, священнодѣйствовали незаконно, наконецъ въ ихъ обществѣ не было седмичнаго числа таинствъ, такъ какъ не совершалось таинство хиротоніи. Другими словами, общество старообрядцевъ оказалось церковью одолѣнною, но истинная церковь потерпѣть одолѣнія не можетъ, ибо Господь изрекшіи обѣтованіе: «созижду церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей» (Мѡ. 16, 18), «вѣренъ пребываетъ, отрещися бо Себе не можетъ» (2 Тим. зач. 293); «земля мимо идетъ, словеса же Его не мимо идутъ» (Мѡ. зач. 105).

Мы изложили вкратцѣ, такъ закончилъ свою рѣчь воспитанникъ, исторію отдѣленія старообрядчества и на основаніи слова Божія и старопечатныхъ книгъ представили ученіе о церкви и свой взглядъ на уклоняющихся отъ общенія съ нею; теперь просимъ присутствующихъ здѣсь старообрядцевъ высказаться по поводу изложеннаго нами и отвѣтить намъ на вопросъ: можетъ ли истинная церковь Христова остаться безъ епископскаго чина и безъ седмичнаго числа таинствъ, или иными словами: могло-ли называться общество старообрядцевъ, оставшихся послѣ собора 1667 г. безъ епископовъ и безъ таинства хиротоніи, святою, соборною и апостольскою церковью?

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Брунбандеръ.

Библіографическія замѣтки.

Православный Миссіонерскій Календарь на 1902 годъ
Изданіе «Миссіонерскаго Обзорѣнія» подъ Редакціей В.
М. Скворцова.

(Выписка изъ библіографическихъ отзывовъ).

«Миссіонерское Обзорѣніе» въ нынѣшнемъ году подарило своимъ подписчиковъ новымъ приложеніемъ—«Миссіонерскимъ календаремъ».

даремъ», Этотъ календарь настолько не похожъ на изданія подобнаго рода, что вполне заслуживаетъ, чтобы поговорить о немъ подробно. «Миссіонерскій календарь»—первый опытъ этого рода изданій, но онъ выполненъ такъ удачно, что, несомнѣнно, дѣлаетъ честь его редактору. Предъ нами хорошо изданная книжка въ 472 страницы и 82 стр. приложений. «Миссіонерскій календарь», какъ и всякій календарь, начинается, «общими календарными свѣдѣніями» (I гл.) и изложеніемъ «православнаго мѣсяцеслова» (II гл.). Календарныя свѣдѣнія самыя необходимыя, а «православный мѣсяцесловъ» сопровождается еще миссіонерскимъ описаніемъ нѣкоторыхъ «житій св. угодниковъ Божіихъ», чего нѣтъ, конечно, въ другихъ календаряхъ. Подобныхъ «описаній» въ каждомъ мѣсяцѣ очень мало, и ими обыкновенно сопровождаются житія такихъ угодниковъ, на жизнь которыхъ приходится сослаться въ полемикѣ съ раскольниками и сектантами. Обыкновенно берется подходящий фактъ изъ житія св. угодника и дѣлается поучительный для раскольниковъ и сектантовъ выводъ. Напр., въ житіи св. Іакова Персянина (27-го ноября) повѣствуется, что онъ предъ мученической кончиной своей († 421 г.), ободряя себя между прочимъ, говоритъ: «уповай, душа моя, на Бога, силою четвероконечнаго креста спасающаю мя». Отсюда само собою, слѣдуетъ тотъ выводъ, что четвероконечный крестъ употреблялся и почитался, вопреки утвержденіямъ раскольниковъ, издревле (стр. 117—118).—Послѣ мѣсяцеслова слѣдуетъ изложеніе «особенностей церковнаго богослуженія» и (III гл.) «указатель евангельскихъ и апостольскихъ чтеній на всѣ дни года», а затѣмъ глава IV подъ общимъ заглавіемъ. „*Наставленія и мысли о мисіи Церкви и миссіонерахъ*“ (163—200 стр.). Наставленія и мысли заимствованы—„изъ слова Божія“, „изъ апостольскихъ постановленій“; „изъ святоотеческихъ наставленій“: свв. Иринея, Кипріяна, Іоанна Златоуста, блаженнаго Іеронима, свв. Василия Великаго и Григорія; „изъ наставленій отечественныхъ пастырей и ревнителей мисіи“:—Григорія м. СПБ., Филарета м. Московскаго, Іоаннія м. Кіевскаго, Аркадія архіеп. Олонецкаго, Никанора архіеп. Одесскаго, Антонія еп. Уфимскаго и архимандрита Павла Прусскаго. По этимъ источникамъ видно, что «самая первая обязанность» cadaго священника «есть учить всѣхъ вѣранныхъ ему людей», какъ православныхъ, такъ «и неправославныхъ» (стр. 172) въ духѣ любви, «бесѣдуя съ ними снисходительно и кротко» (170 стр.). Но одного сознанія миссіонерскихъ обязанностей еще недостаточно пастырю Церкви, нужно «самымъ дѣломъ быть миссіонеромъ»

(183). Каковъ долженъ быть «истинный миссіонеръ» на дѣлѣ, это очень подробно и живо обрисовывается въ слѣдующихъ статейкахъ той-же главы: «Черты истиннаго миссіонера» (183—185), и «Чѣмъ долженъ быть миссіонеръ?» (186—190). «Истинному миссіонеру должна быть присуща высокая настроенность, постоянная готовность къ самопожертвованію, преданность своему дѣлу, нелицемѣрная любовь не только къ приснымъ, но и ко всѣмъ, вопрошающимъ его о правомъ ученіи», чего онъ можетъ достигнуть прежде всего „черезъ благодатную силу молитвы“, которая „есть душа и сила миссіи“ (статья свящ. І. Дмитревскаго, стр. 195—200). Впрочемъ, чтобы миссія имѣла дѣйствительный успѣхъ, нужна миссіонеру еще помощь и мірянъ, о чемъ довольно подробно и говорится въ статьѣ м. Іоанникія: „Чѣмъ каждый христіанинъ можетъ служить дѣлу миссіи“ (стр. 191—194). Глава V посвящена «характеристикѣ ученія раскольническихъ, толковъ или согласій» и «мистическихъ и рационалистическихъ сектъ» (201—267). Раскольническіе толки изложены въ алфавитномъ порядкѣ; ученіе сжато, кратко, въ высшей степени *точно, ясно и правильно*, что можно встрѣтить далеко не во всѣхъ справочныхъ книгахъ.

Перечислены *почти все* безпоповщинскіе и поповщинскіе толки, и что особенно пріятно, указано много новѣйшихъ толковъ, извѣстія о которыхъ разбросаны по миссіонерскимъ журналамъ за послѣдніе годы напр., адамантовы, бѣлоризцы, горшкова секта, коликовцы, лучинковцы-любушкино согласіе, некудышники астраханскіе и др. Также исторически правильно и точно изложено и ученіе мистическихъ и рационалистическихъ сектъ, только съ большею подробностью, чѣмъ толковъ раскольническихъ.—Глава VI-я говоритъ «О *единовѣрїи и ея значенїи*» (стр. 267—272). Изложена къ формѣ вопросо-отвѣтной и можетъ дать каждому интересующемуся единовѣрїемъ ясный и точный отвѣтъ относительно его.—Глава VII-я носитъ такое общее заглавіе: «*православному христіанину, живущему среди отпадшихъ отъ Церкви, наставленїя о православныхъ догматахъ вѣры и обрядахъ церкви*» (273—332). Эта обширная глава представляетъ изъ себя сокращенный катихизисъ православной Церкви, примѣнительно, конечно, къ потребностямъ миссіонера. Догматическія и обрядовыя истины православной Церкви изложены именно тѣ, противъ которыхъ можно встрѣтить расколо-сектантскія возраженія. Каждая истина подкрѣплена доказательствами изъ св. Писанія. Есть и рѣшеніе возраженій неправомыслящихъ.—Далѣе слѣдуетъ VIII-я гл.—«Миссіонерская практика». Это очень цѣнная

по содержанію глава. Начинается съ «общихъ методическихъ указаній для веленія полемическихъ бесѣдъ» (333—335); даетъ подробные «примѣрные планы противосектантскихъ бесѣдъ» (336—358) по каждому спорному вопросу, начиная съ св. Преданія. Планы выработаны на основаніи опытовъ многолѣтней миссіонерской практики и составлены съ большимъ знаніемъ дѣла. Кромѣ того еще указаны «тексты св. Писанія, на которыхъ сектанты еще пытаются обосновать свое лжеученіе» и «тексты по главнѣйшимъ вопросамъ вѣры, пререкаемымъ сектантами» (357—365). Въ этой же главѣ можно найти и „*ответы изъ слова Божія и изъ старопечатныхъ книгъ по вопросамъ пререкаемымъ безпоповцами*» (366—373). «*Отвѣты*»—это краткое обличеніе всего безпоповщинскаго раскола, начиная съ вопроса «О Церкви». Они представляютъ собою изложеніе православнаго ученія, но только подкрѣпленнаго ссылками на старопечатныя книги. Самыхъ выдержекъ, впрочемъ нѣтъ, «указаны *одни цитаты*, конечно, самыя важныя и характерныя. Жаль только, что пропущено почему-то обличеніе *поповщины*.—Гл. IX-я знакомитъ читателей съ «миссіонерской литературой» (374—392). Указаны лучшія пособія и для «церковной народно-миссіонерской бібліотеки» и «для бесѣды съ поповцами» и «безпоповцами»; „по общимъ русколу вопросамъ“ и для „бесѣдъ съ мистико-раціоналистическимъ сектанствомъ“.—Глава X-я содержитъ „*указанія и распоряженія духовной власти по дѣламъ расколо-сектантства*“ (383—401), начиная съ синодальныхъ правилъ объ устройствѣ миссіи“ 1888 г. и кончая послѣдними циркулярными указаніями Св. Синода. Глава XI-я—трактуетъ „*О расколахъ и сектахъ, и мѣрахъ къ ослабленію раскольнической пропаганды*“ (402—406). Это извлеченіе изъ „Дѣяній Казанскаго собора архиепископомъ“. Глава XII-я—„*Пастырская миссіонерская памятка*“ (407—422), главную мысль которой составляетъ та „непреложная истина, что дѣло миссіи впередъ не пойдетъ, пока не сознаютъ пастыри приходскіе, что они первые и главные миссіонеры“ (410) Тутъ же приводится и инструкція для приходскихъ священниковъ въ борьбѣ съ расколо-сектантствомъ (410—421). Глава XIII-я содержитъ „юридическія свѣдѣнія“ по расколо-сектантству (422—458). Здѣсь изложены всѣ дѣйствующіе законы и распоряженія о раскольникахъ и сектантахъ, включая циркуляры разныхъ министерствъ послѣдняго времени. Въ и. XIV приводятся „*статистическія свѣдѣнія по даннымъ первой всеобщей переписи 1897 г.*“ (459—460). Въ главѣ XV—„*программа для составленія отчета о состояніи раскола и сектант-*

ства и дѣйствія мисіи въ NN епархіи за N годъ (461—465). Далѣе въ гл. XVI-ой изложенъ „уставъ Вятско-Никольскаго братства ревнителей православія въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ Екатеринбургской губ., Верхотурск. уѣзда“ и вообще „проектъ устава приходскихъ братствъ“ (466—472)—И, наконецъ, въ приложеніи находятся очень подробныя „свѣдѣнія о современномъ устройствѣ мисіи въ епархіяхъ, о личномъ составѣ ея дѣятелей и о состояніи расколо-сектантства“, составленныя на основаніи отчетовъ г.г. секретарей консисторій и епархіальныхъ миссіонеровъ.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, «Миссіонерскій календарь» — книга очень богатая свѣдѣніями по расколо-сектантству. Свѣдѣнія даны самыя точныя, исторически правильныя и современныя. Въ виду этого мы *настоятельно рекомендуемъ* этотъ календарь, какъ *книгу необходимую*, всѣмъ приходскимъ пастырямъ, которымъ приходится имѣть дѣло съ расколо-сектантствомъ, а также всѣмъ интересующимся исторіей и жизнью послѣдняго и миссіею православной Церкви. Смущаться тѣмъ, что «Миссіонерскій календарь» изданъ только на 1902 г., нечего,—въ немъ могутъ устарѣть къ будущему году только одни календарныя свѣдѣнія (и то, конечно, не всѣ), свѣдѣнія же по расколо-сектантству и православной миссіи еще многіе годы будутъ живучими и, несомнѣнно, не скоро потеряютъ характеръ современности. Цѣна «Миссіонерскаго календаря»—1 руб., съ пересылкою. (Олон. епарх. вѣд.) Вик. Крыловъ.

Передъ нами книжка „Миссіонер. календарь“ въ опрятномъ переплетѣ съ 472 стр. текста и приложеніемъ въ 82 стр. Форматъ ея немного болѣе обыкновеннаго формата календарей для врачей, юристовъ, учителей и т. п. Напечатана четко.

Въ содержаніе «Миссіонерскаго календаря», помимо общихъ календарныхъ свѣдѣній, вошло XVII отдѣловъ (*идетъ описаніе отдѣловъ*).

Уже одинъ перечень предметовъ, вошедшихъ въ содержаніе «Миссіонерскаго календаря», показываетъ, насколько тщательно отнесся издатель къ своей задачѣ—дать въ руки дѣятелямъ мисіи такую справочную книгу, которая, при удобствѣ пользованія ею, обнимала бы *весь кругъ вопросовъ*, вызываемыхъ миссіонерскою практикою. И намъ кажется, что «Миссіонерскій календарь» явится для миссіонеровъ серьезнымъ подспорьемъ при самыхъ бесѣдахъ съ раскольниками и сектантами. Не всегда удобно и возможно имѣть при себѣ всю массу книгъ, изъ которыхъ многія бываютъ необходимы при бесѣдахъ только для незначительныхъ справокъ. Трудно

бываетъ иногда и удержать въ памяти то, гдѣ надлежитъ искать подходящую справку. Во всѣхъ такихъ случаяхъ «Миссіонерскій календарь», — *небольшая книжка, которую можно носить съ собою въ карманъ*, — *незамѣнимый другъ для каждаго дѣятеля миссіи*. Но особенно важно имѣть его приходскимъ пастырямъ для частныхъ, домашнихъ бесѣдъ съ раскольниками и сектантами; добрую службу сослужить имъ въ этомъ случаѣ календарь.

Въ заключеніе не можетъ умолчать объ одномъ отдѣлѣ «Миссіонерскаго календаря», который вызываетъ *на серьезныя размышленія о значеніи, характерѣ и задачахъ миссіонерскаго дѣланія*. Отдѣлъ этотъ — «Наставленія и мысли о миссіи и миссіонерахъ».

Самою обычною характеристическою чертою нашихъ представленій о раскольникахъ и сектантахъ является мысль объ ихъ какой-то исключительной, *какъ бы органической враждебности по отношенію къ православной Церкви и ея чадамъ*. Мысль эта пріобрѣтаетъ иногда такую силу въ сознаніи православныхъ, что совершенно вытѣсняетъ собою память о томъ, что раскольники и сектанты — наши братья единокровные, но братья больные. Она не позволяетъ ближе присмотрѣться къ духовному состоянію этихъ заблудшихъ братьевъ и понять, что внутренняя основа ихъ заблужденій зиждится на несокрушимомъ стремленіи найти Бога, узнать Его правду, и что только путь къ этому они избрали ложный. Подъ вліяніемъ той же мысли о враждебности по отношенію къ намъ православнымъ раскольниковъ и сектантовъ у многихъ и на бесѣды съ заблудшими на попытки къ обращенію ихъ образовался такой взглядъ, что это-де безнадежныя усилія, разжигающія еще болѣе вражду враговъ Церкви и не приносящія ровно никакой пользы. Изъ прекрасныхъ наставленій о смыслѣ и значеніи миссіонерскихъ собесѣдованій покойнаго митрополита Кіевскаго Іоаннікія и изъ полного высокаго одушевленія воззванія Уфимскаго епископа Антонія къ пастырямъ о значеніи собесѣдованій читатель «Миссіонерскаго календаря» убѣдится, что бесѣды съ заблудшими — *безнадежный трудъ только для тѣхъ, кто видитъ въ такихъ бесѣдахъ только исполненіе внѣшняго долга, кто не скорбитъ братскою скорбью о больной душѣ заблудшаго брата, не горитъ любовью къ нему и искреннимъ, безкорыстнымъ стремленіемъ наставить его на путь истинной вѣры и жизни во Христѣ*.

Съ живымъ интересомъ просмотрѣли мы «Миссіонерскій календарь» и усиленно рекомендуемъ его пастырямъ и тѣмъ, кто интересуется дѣломъ миссіи. Книжка хорошая. (Ярослав. Епарх. Вѣд.

Д. М.

І. „Изъ писемъ въ редакцію. Въ приложеніи къ мартовской книгѣ «Миссіон. Обзорѣнія» полученъ изданный вами «Миссіонерскій календарь». Не обинуясь по всей справедливости должно признать, что изданіе это должно *быть настольною книгою для каждого прикосновеннаго къ дѣлу миссії, въ качествѣ справочной книги по сектосвѣдѣнію и руководственнаго пособія въ миссіонерской дѣятельности.* «Миссіонерскій календарь», какъ книгу, по моему глубокому убѣжденію, незамѣнимую въ качествѣ настольной справочной и постоянно руководственной для каждого священника рекомендую для пріобрѣтенія каждому священнику Таврической епархіи“.

Алексій Высотскій, препод. Тавр. дух. сем.

Симферополь 10 апр.

II. „Только что получили мартовскую книжку «Миссіонерскаго Обзорѣнія» и при ней изданную вами миссіонерскую энциклопедію.—календарь. По содержащимся въ немъ свѣдѣніямъ вы имѣли право назвать календарь вашъ *вѣчнымъ* ибо свѣдѣнія въ немъ заключающіяся никогда не потеряютъ своего живого интереса и всегда будутъ необходимы всякому православному, наипаче же пастырями Церкви. Долгомъ считаю благодарить за этотъ подарокъ намъ подписчикамъ“. 28 марта.

Подписчикъ.

«Мартовская книжка Миссіонерскаго Обзорѣнія» съ приложеніями, здѣсь уже (въ Оптиной пустыни) получена. Самое полезное и необходимое приложеніе—это „Миссіонерскій календарь“. Слѣдуетъ обязать всѣхъ батюшекъ изучить подробно признаки раскола и ересей. Всѣмъ іеромонахамъ, духовникамъ необходимо знать наизусть всѣ уклоненія отъ православія; а до тѣхъ поръ, пока не изучать, не слѣдовало бы разрѣшать имъ духовничество. Времени для изученія найдется достаточно; пусть отложатъ всѣ свои второстепенныя, по отношенію къ духовничеству, дѣла.

Наравнѣ съ іеромонахами полезно бы обязательно изученіе догматовъ православія и уклоненія отъ нихъ и въ женскихъ монастыряхъ для монашенокъ.

Манахъ Э—тъ.

Отъ редакціи «Миссіонерскаго Обзорѣнія»

Редакція долгомъ считаетъ поставить въ извѣстность интересующихся новымъ и *единственнымъ* пока въ русской миссіонерской литературѣ изданіемъ «Миссіонерскаго календаря», что она не считаетъ возможнымъ выпускать подобный календарь *ежегодно*, такъ какъ нынѣшнее изданіе настолько полно исчерпало *всѣ* наиболѣе

необходимыя для пастыря и миссіонера свѣдѣнія, что издавать, въ ближайшемъ будущемъ такой же календарь, значить повторяться.

Для накопленія въ такомъ объемѣ новыхъ свѣдѣній по секторѣ и миссіонерству нужны годы.

Хроника епархіальной жизни.

5 мая—недѣля о разслабленномъ. Его Преосвященство Божественную литургію совершалъ въ крестовой церкви въ сослуженіи священниковъ: Д. Страховскаго; ключаря—Θ. Θедорова, В. Бензина и іером. Сергія.

— 6 мая—Высокоторжественный день рожденія Его Императорскаго Величества, Государя Императора Николая Александровича. Преосвященнѣйшій Сумеонъ Божественную литургію и благодарственное Господу Богу молебствіе съ градскимъ духовенствомъ совершалъ въ кафедральномъ соборѣ. За литургіей сослужащими были: Ректоръ семинаріи Архимандритъ Іоанникій, протоіереи: П. Доброхотовъ, В. Разумовъ, Н. Поповъ, священники: ключарь—Θ. Θедоровъ и Г. Бѣлинскій. Въ тотъ же день Его Преосвященствомъ и приглашеннымъ почетнымъ градскимъ духовенствомъ въ зданіи Екатеринославскаго коммерческаго училища освященъ областной музей имени А. Н. Поля и произнесена рѣчь.

— 3 и 7 мая Его Преосвященство присутствовалъ на экзаменахъ въ Екатеринославской духовной семинаріи.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ три раза

въ мѣсяцъ: 1, 11, 21 числа каждаго мѣсяца, въ объемѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ.

Подписка принимается

въ Редакціи при Екатеринославской Семинаріи. Цѣна изданію съ пересылкой 6 рублей.

СПЕЦІАЛЬНОЕ
 ИКОНОСТАСНОЕ И ЖИВОПИСНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
 БРАТЪЕВЪ
Л. М. ПОГРЕБНЫХЪ

ФИРМА СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1864 Г.

Въ м. Ржищевъ, Кіевской губерніи и уѣзда.

Приемъ заказовъ новыхъ иконостасовъ, кіотовъ, рамъ, церковной росписи и ремонтировки старыхъ иконостасовъ. Работы исполняются добросовѣстно, по новѣйшимъ рисункамъ и по самой умѣренной цѣнѣ, такъ какъ наша мастерская находится въ собственномъ домѣ и въ провинціи, гдѣ содержаніе всего обходится значительно дешевле, чѣмъ въ губернскихъ городахъ. Живопись исполняется по образцамъ лучшихъ художниковъ какъ-то: Шокорева, Васильева и др.

Въ случаѣ надобности дается залогъ въ размѣрѣ 10 процентовъ стоимости договорной суммы. 12—3

ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ ЖУРНАЛА
„ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ“.

При редакціи Воскреснаго Чтенія продаются слѣдующія книги и листки религиозно-нравственнаго содержанія:

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ за прежніе годы: 1884, 85, 88, 89, 90, 91, 92 и 93 по 1 руб. 50 коп. съ перес. за экземпляръ, за 94, 95 по 2 рубля, а за 96, 97, 98, 99 и 900-й по 3 руб. съ перес. безъ приложений.

Бесѣды о важнѣйшихъ истинахъ христіанской Православной Церкви, противъ сектантовъ штундовъ. Цѣна 50 коп. съ перес.

Сборникъ общедоступныхъ статей религиозно-нравственнаго содержанія для вѣрбогослужебныхъ чтеній. Цѣна 50 коп. съ перес.

Сборникъ статей о важнѣйшихъ христіанскихъ истинахъ для чтенія дѣтямъ въ школь и дома. Цѣна 15 коп. съ перес.

Христіанское вѣроученіе по символическимъ книгамъ Православной Церкви, для чтенія народу. Цѣна 20 к. съ перес.

Письма къ сомнѣвающимся въ вѣрѣ. Цѣна 40 к. съ перес.

Параллель изъ священнаго писанія на разныя догматическія и религиозно-нравственныя ученія, цѣна 20 к. съ перес.

- Евангельскіи путь къ вѣчному спасенію, цѣна 15 к. съ перес.
- Внѣбогослужебныя чтенія на праздники Господни, Богородичныя и великихъ Святыхъ, цѣна 50 коп. съ перес.
- Внѣбогослужебныя Бесѣды сельскаго пастыря съ пасомыми на воскресныя евангельскія чтенія. Священ. Василя Кудрицкаго. Вып. 2-й цѣна 1 руб. 20 к. съ перес.
- Катихизич. Поученія на Символь вѣры, молитву Господню и 10-ть заповѣдей, свящ. Θεодосія Петровскаго, цѣна 60 коп.
- Его-же. Разказы изъ Исторіи Христовой Церкви отъ Сошествія Св. Духа до VII всел. Собора. Двѣ книги, цѣна 1 р. 40 к. съ перес.
- Его-же. Разказы изъ Исторіи Русской Церкви—1 руб.

№№	Коп.
1. Праздничныя листки: на Крещеніе Господне, Срѣтеніе, Благовѣщеніе пр. Богородицы, на Вербное воскресеніе, Пасху, на Успеніе пр. Богородицы, на Троицынъ день, Вознесеніе, Преображеніе, на Рождество Богородицы, на Воздвиженіе, на Введеніе во храмъ Богородицы, на Рождество Христово, Каждый листокъ по	1
2. О страданіяхъ и смерти Господа нашего Иисуса Христа.	8
3. Кіевъ—Азбука православія	5
4. При гробахъ Кіево-Печерскихъ подвижниковъ	3
5. Бесѣда о постѣ, его происхожденіи и значеніи	3
6. Сказаніе о заступленіи Матери Божіей за неправедно обидимую жену	2
7. Крещеніе Господне и Крещенская или Богоявленная вода	2
8. Труженикъ Христовъ Николай	2
9. Святые угодники Божіи—наши путеводныя звѣзды	2
10. Православная вѣра, надежда и любовь. Пособіе къ преподаванію Закона Божія въ двухклассныхъ народныхъ училищахъ	25
11. Учитель родственной любви, Преп. Никонъ Сухій	2
12. Молитва разбойника на крестѣ	2
13. 26-ть листовъ объ угодникахъ Кіево-Печерскихъ. Каждый листокъ	1
14. О пьянствѣ и его губительныхъ послѣдствіяхъ	2
15. О матерномъ словѣ	2
16. Что такое общество трезвости	2
17. О сельскихъ крестьянскихъ свадьбахъ	2
18. Прямѣръ пагубы отъ водки	2
19. О жизни и страданіяхъ св. великомуч. Екатерины	2
20. О плотскомъ грѣхѣ или блудѣ	1

№ №	Код.
21. Другъ грамотныхъ—Св. Тихонъ Задонскій	1
22. Св. князь Владиміръ—просвѣтитель Руси	1

При требованіяхъ не меньше какъ на 10 р. дѣлается скидка 30%
 Адресъ для требованій такой: Кіевъ, въ редакцію «ВОСКРЕСНАГО
 ЧТЕНІЯ». (Подоль, домъ Ильинской церкви № 4-й). Поэтому же
 адресу принимается и подписка на журналъ «Воскресное Чтеніе»
 на 1902 годъ.

Приложенія къ журналу на сей годъ: 1) Сельскій священникъ,
 какъ законоучитель и завѣдующій церковно-приходской школой,
 2) нравственно-поучительные рассказы изъ жизни простаго народа.
 2—2

Редакторы—Преподаватели { Протоіерей *В. Мстиславскій*
 Семинаріи: { и *Михаилъ Брунбендеръ*.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Религіозно-нравственное воспитаніе, какъ необходимомъ
 условіе въ дѣлѣ образованія истинныхъ людей. 2) Въ чемъ сущность и смыслъ
 жизни. 3) Сektантство и расколъ, 4) Библиографическія замѣтки. 5) Хроника
 епархіальной жизни и 7) Объявленія.

Дозволено цензурою. Екатеринославъ. 11 Мая 1902 г. Цензоръ преподаватель
 Семинаріи *Вл. Таиенцовъ*.